

Леонид Аронзон

НЕИЗДАНЫЕ СТИХОТВОРЕНИЯ 1961 ГОДА

Предлагаемые ниже неизданные стихотворения Л. Аронзона относятся к 1961 году – первому периоду, относительно полно представленному в его архиве. Если из сочинений прошлых лет до нас дошли считанные единицы (остальные были, по всей видимости, уничтожены автором), то начиная с этого времени Аронзон, невзирая на свое достаточно скептическое отношение к опусам «молодости», при регулярной ревизии собственных произведений сохраняет их, избирательно включая в различные авторские подборки.

При настоящей публикации мы пользовались тремя из семи учтенных в двухтомном «Собрании произведений»¹ подборок (подробную потекстовую опись см.: СП-2, 296-299):

«1961» – Сброшюрованные (сшитые скрепками по левому полю) авторские машинописи; несколько ст-ний с рукописной правкой. 35 нумерованных листов на разной бумаге. Рукописная обложка: «Аронзон Л. 1961 г.».

«1961» (A3) – Машинописи – чистовые копии (не авторская перепечатка, не первый экземпляр). 32 нумерованных листа; страницы 24 и 29 отсутствуют. Титул (на машинке автора): «Л. Аронзон. 1961 год». Сборник, очевидно, составлен автором; по составу практически идентичен «1961», хотя ст-ния расположены в ином порядке. Сборник был подарен А.С. Заблочкой. На обороте титула дарственная надпись: «Милой, премилой девочке. Л. Аронзон март 1962 г.».

IV – Сброшюрованная машинопись. 28 нумерованных листов.

Цезурой, которая проходит по жизни и творчеству Аронзона осенью 1960 – зимой 1961 года, становится инвалидность после операций по удалению последствий остеомиелита, полученного в геологической экспедиции летом 1960 года. Герой лирики поэта этого времени – городской житель, гонимый дождем и снегом по улицам и набережным легко узна-

¹ Здесь и далее ссылки на изд.: Л. Аронзон, *Собрание произведений в 2-х т.*, СПб. 2006 – как СП с указанием тома и страниц.

ваемого Петербурга. Такие стихотворения, как «По над-берегу, по мосту, по...», «Когда безденежный и пеший...», «Возвращение» («Так оглянись: и ты увидишь осень...») и многие другие продолжают поэтику «петербургского текста» и вместе с лирикой И. Бродского того же периода привносят в эту традицию новые интонации. Перерыв, обозначенный для жизни города блокадой Ленинграда, а для искусства – лакуной в течении культурного процесса, выбрасывает лирических героев как бы в засмертное пространство; то, что лишь чудилось и провиделось персонажам Пушкина, Достоевского, Блока, теперь стало реальностью и требует для своего описания при сохранении старой парадигмы нового языка и нового образного строя. Такого рода поэтику условно можно обозначить как «Питертекст», продолжающийся после смерти Петербурга, его Автора и его Текста, и городская лирика Аронзона и Бродского начала 1960-х – яркий тому пример.

В предлагаемых ниже произведениях Аронзон, крайне чуткий к различного рода влияниям и веяниям, осязательно подстраивается под этот едва ли осознаваемый канон, вместе с тем нащупывая ориентиры, которые станут основополагающими в его зрелом творчестве: особый характер динамики и статики, условность и в то же время узнаваемость городского пейзажа, специфически петербургский мотив двойничества и проникновения в зазеркалье, попытка выхода в пространство природы как альтернативы мертвенности города, а также онтологическое одиночество лирического героя. Свидетельством того, что поэт здесь еще окончательно не нашел свой язык, является образ «лирического ты» – Аронзон словно не решается на высказывание от первого лица и зачастую строит диалог с читателем на характерном обращении, которое спустя несколько лет уходит из его лексикона. Многие фразы и целые строфы войдут в другие произведения поэта, безусловно более цельные, чем эти. Однако именно здесь впервые появляется та легко узнаваемая нота, которая, избавившись от налета вторичности и пафоса, придает лирике Аронзона столь неповторимое очарование.

Наброски к поэме

- 1 -

Так оборвалась осень. Снег
свивает медленные гнёзда,
и разбивается о свет,
звenea соломинками, воздух –
5 хрустальный гроб – пока река
ещё хранит, как душу, осень
и гонит будто по откосам
вдоль тротуаров облака.

- 2 -

10 Крыло рояля, белый зал,
вся эта музыка, как память,
и разбегаются глаза
под люстр закованное пламя,
не удержать мне этот крик
в дворцовом сумраке столицы,
15 глядя в окно на фонари,
где снег, как образы, роится.

Четыре поднятых крыла,
уж не рояль, уже четыре,
и бьются поднятые крылья
20 единым выкриком: пора!
Прощай, на случай положишь
и расточи себя, как данью,
всевозвращающая жизнь
таким же кончится прощаньем!

25 Пора, прощай, так из-под снега
выходит женщина, как страх,
и улиц сломанные деки
вздыхают в скомканных чехлах,
и четвертует перекрёсток,
30 и с четырёх сторон, углов
на лица выстуженный воздух
кидает битое стекло.

- 3 -

Декабрь, пора предновогодья!
толпа – и память-саранча,
35 и время медленно уходит
ногами быстрыми стуча.
По плитам лестниц, по парадным
шаги и шарканье в дверях,
да позабудутся утраты
40 в последний сумрак декабря!

А ветер кружится и вертит
шарфы, пальто, воротники,
и, проклиная ночь и ветер,
стоят и мерзнут двойники.
45 А по зиме всё та же тьма,
мешая время дня и ночи,
гудит вдоль жести водосточной
и сводит скукою с ума.

- 4 -

Так брось печальную столицу,
50 руками лёгкими взмахнув,
запомни стянутые лица,
как снег, налипшие к окну.
О геометрия замужеств
на линиях раскрытых рук,
55 когда всё прошлое, и в стужу
дороже горечи и мук.

Мы все расходимся кругами,
как по задумчивой воде
от в омут брошенного камня,
60 и где-то спим в небытие.
Ты спишь, и сонные предплечья
хранят рассвет, прозрачность льда,
и память ластится, и лечит,
и птицы спят на проводах.

65 Не говори о мёртвой плоти,
прибитой к длинному столбу,
приходит время, словно плотник,
нас заколачивать в гробу,
и разряжают пистолеты
70 в поэмы вечером, где снег
ложится медленный, как беды,
и угасает в синеве.

– 5 –

Живи, поэт, ты будешь вечен
и смерть гнездо тебе совьёт,
75 мой вестник, первенец, предтеча
и послесловие моё.
Я – твой двойник, твержу в дорогах
тебе, ты – зеркало моё,
но отражается убогость
80 всего, что сделал я. Метёт,

метёт и кружит длинный ветер,
где разобщенные друзья
одни встречают этот вечер,
по гололедице скользя,
85 и, лампой отделясь от ночи,
ты где-то есть, ты что-то чишь,
и ночь становится короче
и повисает между крыш.

Правленая маш. в пачке «1961», л. 21-23.

после 8

[Покинуть дом, пустить ладью,
где ночь Офелии подобна,
где птица мерно и подробно,
сбиваясь, гибнет на лету,
сбивая снег... Кругом зима,
мешая время дня и ночи,
гудит вдоль жести водосточной
и сводит скукою с ума.]

45-48 *вписаны от руки*

55 когда всё прошлое, [как ужас,]

59-60 [круги расходятся от] камня

и где-то [спят] в небытие.

73-88 обведены карандашом и помечены знаком вопроса
вместо 77-82

[Ты – моё зеркало, в дорогах]

твержу тебя, но колдовство!

мне отражается убогость

всего, что сделал я, всего...

[Ты – твой двойник, и длинный] ветер

[кружит, где бедные] друзья

Недат. маш. в пачке «1961» (А3), с. 11-13. Текст обрывается на ст. 79, пропущен ст. 23.

Набор строф

(попытка к поэме)

Так оборвалась осень. Снег
свивает медленные гнёзда,
и разбивается о свет,
звоня соломинками, воздух —
5 хрустальный гроб, пока река
ещё хранит, как душу, осень
и гонит, будто по откосам
вдоль тротуаров облака.

10 На зимних улицах: прощай!
ещё отчётливей и резче,
в закрытых наглухо плащах
ждут юноши вчерашних женщин,
мороз, безлюдье, бьют часы
15 на лицах и с рывками стрелок,
как будто молодые псы,
юнцы подрагивают телом.

Копи секунды, вдоль крутых
мостов, над выдохнутым паром,
20 как отозревшие плоды,
спадают сонные удары,
и в ровных паузах слышны
обрывки фраз, работа лёгких:
вся изначальность тишины
вмещалась в паузах коротких.

25 Над светом белых фонарей,
подёрнутых речною рябью,
среди снежинок всё быстрее
взлетает маленький кораблик
Адмиралтейства, и зима,
30 мешая время дня и ночи,
гудит вдоль жести водосточной
и сводит скукою с ума.

Пора, прощай! Так из-под снега
выходит женщина, как страх,

35 и улиц сломанные деки
вздыхают в скомканных чехлах,
и четвертует перекрёсток,
и с четырёх сторон, углов
на лица выстуженный воздух
40 кидает белое стекло.

Еловый мусор заметая,
ещё гудит впотьмах декабрь,
и под замёршими мостами
ещё шевелится река,
45 и в спешке взвинченной теряя
себя, и забывая всех,
гони вдоль сумерек трамваи,
куда-нибудь от диких мест.

Куда-нибудь, где полупринят,
50 где полуизгнан, сам ушёл,
один, на чьей-то половине,
вдоль гардеробов, сцен и школ,
мимо рождественского пира,
всё те же мысли торопя,
55 чтоб после медленно и мирно
опять запрятаться в себя,

пока по лестницам парадным
шаги и шарканье в дверях.
Да, позабудутся утраты
60 в последний вечер декабря,
да, будет горестно и стыдно
ловить себя на мостовых,
где ветром вытянут и выгнут
реки стремительный порыв.
65 Так брось печальную столицу,
руками лёгкими взмахнув,
запомни стянутые лица,
как снег, налипшие к окну.
О, геометрия замужеств
70 на линиях раскрытых рук,
когда всё прошлое и в стужу
дороже горечи и мук.

Мы все расходимся кругами,
как по задумчивой воде
75 от в воду брошенного камня,
и где-то спим в небытие.
Ты спишь, и сонные предплечья
хранят рассвет, прозрачность льда,
и память ластится и лечит,
80 и птицы спят на проводах.

Не говори о мёртвой плоти,
прибитой к длинному столбу,
приходит время, словно плотник,
нас заколачивать в гробу,
85 и разряжают пистолеты
в поэмы вечером, где снег
ложится медленный, как беды,
и молча замечает след.

Вокзальным сборищем, вагоном
90 платформы тянутся во тьму,
и рельс блестящие изломы
уже нацелены в толпу,
а ветер кружится и вертит
шарфы, пальто, воротники,
95 и, проклиная снег и ветер,
стоят и мёрзнут двойники.

Беги стремглав из этих комнат,
срываясь горечью с листа,
где рельс зауженные ромбы
100 нас гонят что-то наверстать.
А что искать? Спешат деревья,
дрожит полуночный состав,
мелькают мелкие деревни,
по-птичьи головы вобрав

105 в снега, а путь всё не короче,
за спину руки заложив
и лампой отделяясь от ночи,
как прежде бейся и пищи.
Тебя уже нигде не встретит,

110 и разобшённые друзья,
одни разгонят этот вечер,
по гололедице скользя.

Как ближе всё за переездом,
в разрывах умысел есть свой,
115 себе пиши и соболезнай,
упав в ладони головой,
слоняйся тамбуром и вчуже,
и, отстранив себя, зови:
среди обыденных замужеств
120 живёт безвременье любви.

Так изменяй себе. Не время
тебе судья. Не в этом толк.
За километрами и тенью
качаясь, маятники толп
125 сдвигают стрелки циферблатов,
вглядись назад: за толщей вёрст
как путь твой медленен и краток,
зачем ты мучился и мёрз?

Два месяца, как две беды.
130 Пасутся голуби не прячась,
и утром сизые, как дым,
над тихой площадью судачат
и бьются в потное окно,
пугаясь редкого трамвая,
135 и над безлиственным стволом
гнездо мгновенное свивают.

О утро зимнее! – В окне,
как в зеркале – моя пустыня,
и тени стынут на стене,
140 как недописанное имя.
В потусторонности зеркал
я вижу свой засмертный образ,
и вещи тянутся к углам
и замирают в сонных позах.

145 Но утро всё-таки не бред,
и, упираясь в стол локтями,
ребро ломая на ребре,
допросом мучает декабрь,
и солнцем освещённый стол
150 шуршит ленивою бумагой,
как будто манит в Рождество
дарами утренними ангел.

Как во младенчестве, душа
не знает щедрости предела,
155 и воздуха дрожащий шар,
заполняясь, взвешивает тело,
как будто вещи дары
спасут неведеньем и верой
когда воздушные шары
160 поднимут к мудрости неверной.

Правленая маш., 6 листов. По всей видимости, первая редакция «Попытки к поэме». На последнем листе (ст. 161-168) начало второй главы и сделанная Вл. Эрлем со слов автора пометка: «к «Набору строф» → <19>59»:²

Глава вторая

Дрожа, как лампочка в вине,
был сад подобием наброска,
и, медленно рассыпав снег,
зима показывала гнезда
165 вчерашних птиц. И белый сад,
боясь нарушить запустенье,
один за пиками оград
казался собственной тенью.

Ст. 129-160 впоследствии были переработаны автором в стихотворение под загл. «Отрывок» (См.: СП-1, 284-285).

Ср. также следующие наброски:

<...>

как бы бессонницей и свет
следи спускающийся <снег>
сквозь, будто бы резные, вет<ви.>
Вот, словно зеркальце, зима

² К проблеме «заниженных» датировок Аронзоном своих текстов см.: СП-1, 409.

являет улицы дыханье,
и мост, поднявшийся, как взмах,
пугает пасмурною ранью.
Под ровной тягой облака
спешат, неслышные, как тени,
и, отдалясь, как в зеркалах,
стоят колонии созвездий.

<...>

Посмертным зеркальцем зима
являет улицы дыханье,
и мост, поднявшийся, как взмах,
пугает пасмурною ранью.
Под ровной тягой облака...
Всё чётче мысль о переезде,
и, словно в дальних зеркалах,
стоят колонии созвездий.

Маш. на обеих сторонах листа. Верхняя часть оторвана. Дата рукой Вл. Эрля (со слов автора): <19>56. В строке «следы спускающийся снег» вместо «снег» ошибочно – «свет».

* * *

И кружится, и крутит у перил
осенний ветер набережных ранних,
где улицы раскручивают фильм
на сером, как предутрие, экране,

и вздрагивают нимбы фонарей,
и стрелками постукивают в стены,
когда по зачарованной реке
проносятся нетонушие тени

вечерних птиц, и следом за тобой
неясные и смутные, как беды,
слетают облака на водопой
и припадают, медленные, к следу

твоей стопы, и осыпает сад
уже на ветках скомканные листья,
о тени птиц! куда они летят?
я тень твоя, полуночная птица.

<1961>

Недат. беловая маш. в пачке «1961» (А3) (с. 14–15).

Авт. маш. в пачке «1961» (л. 14). Всё ст-ние перечёркнуто.

6 и стрелками [колотятся по стенам,]

8 проносятся [стремительные] тени

* * *

Стучат столбы, как спицы в колесе,
а дождь к лесам, к столбам – наискосок,
и вздрагивает тихое шоссе,
и фонари ресницами в лицо
постукивают.

Одурь, а не ночь,
когда в мельканье спутавшихся спиц,
где по деревьям вздрагивает дождь,
я облетаю, как за плодом лист,
не выпадая мёртвым из цепи
ночных шоссе и скошенных столбов,
и только гулом маленьких обид
живёт во мне ненужная любовь.

И в сумерки взлетают фонари,
как белые воздушные шары,
и, лопаясь, гуляют пузыри
по листьям и по улицам сырым.
И виден мне сквозь тучи небосклон,
пока у кромки медленно-лилов,
и подступает с четырёх сторон
ночных соцветий потное стекло.

Недат. беловая маш. в пачке «1961» (А3) (с. 26).

Авт. маш. в пачке «1961» (л. 25).

7 [по мокрым рощам] вздрагивает дождь,

* * *

Вот человек, идущий на меня,
я делаюсь короче, я меняюсь,
я им подавлен, оглушен, я смят,
я поражён, я просто невменяем.

И за оградами шевелятся сады,
и портики тяжёлые на спинах
литых гигантов, и кругом следы
изящества и хрипов лошадиных.

Как непонятен гений и талант,
живет он в нас или живет помимо,
как в яблоке, разбитом пополам,
живут сады, как будто в спячке зимней.

Всё знать вокруг и ничего не мочь,
входить творцом и уходить вандалом,
но будь во мне, дурачь меня, морочь,
предчувствие великого начала.

И вдруг я вырос, кончился мираж,
гигант шатнулся, выдохся, отхлынул,
остался мир, балдеющий, как пляж,
и всевозможный, как осенний рынок.

Теперь иду, спокойный человек,
и, через руку плащ свой перебросив,
толпу минуя, подхожу к траве,
сажусь в тени и наблюдаю осень.

Авт. маш. на двух отдельных листах с датой карандашом: <19>59 г.
после 4

[о что задумал этот великан,
когда в музеях сумрачных шедевры
обнажены и мёрзнут, и векам,
как проститутки, взматывают нервы.
А площади, как бешеные пульсы,
несут толпы, несут автомобили,
и я, как птица, бегаю, волнуясь
и волочу ослабленные крылья.]

II. Недат. беловая маш. в пачке «1961» (A3) (с. 31); авт. маш. в пачке «1961» (л. 35).

3 я им задавлен, оглушён, я смят,

после 4

о что задумал этот великан ~ взматывают нервы.

вместо 21-24

теперь иду спокойный человек,

несу свой торс, пальто несу и мысли,

моя нога выгаптывает снег,

и облака игрушечные виснут.

III. Недат. авт. маш. в пачке IV (л. 17).

3 как в II

после 4 как в II.

вместо 21-24 как в II с вариантом:

несу свой торс, пальто несу и шляпу,